

его статьи и того, на мой взглядъ, вульгарнаго пониманія марксизма и отношенія къ Толстому, которымъ для меня исчерпывается ея содержаніе и значеніе. И разсудивши такъ, я бы оставилъ статью г-на Поссе вовсе безъ отвѣта, если бы г-нъ Поссе не счелъ нужнымъ вступить со мною въ предисловіи къ ней въ личную полемику, причемъ допустилъ въ передачѣ моихъ мыслей *повсюду* такія неточности, исправить которыя побуждаетъ меня не только любовь къ истинѣ, но и самолюбіе. Такъ, напримѣръ, г-нъ Поссе приписываетъ мнѣ слѣдующую мысль: „Почему бы Толстому не писать царю, разъ нравственная его личность такъ высока, что онъ можетъ любить даже царя,“ — а между тѣмъ, я въ такой связи вовсе ничего не говорилъ о высокой личности Толстого, а сказалъ приблизительно слѣдующее: Есть люди, ненавидящіе царя и какъ царя, и какъ человѣка, и присягающіе ему; и есть люди, любящіе царя не какъ царя, конечно, а какъ человѣка, считающіе возможнымъ писать ему, но не присягающіе ему. Спорить о томъ, что приличнѣе, — нечего, это дѣло личнаго взгляда. Можно только поставить вопросъ о томъ, что правильнѣе; г-нъ же Поссе возмущался только внѣшними приёмами поведенія Толстого, и тѣмъ самымъ лишилъ меня возможности отвѣтить ему что либо по существу. — Теперь я могу прибавить къ этому еще вотъ что: Въ статьѣ г-нъ Поссе поставилъ вопросъ о правильности поступка Толстого и разрѣшилъ его въ томъ смыслѣ, что въ стремленіи Толстого повліять на царя чувствуется ложь, такъ какъ нельзя помирить этого стремленія „съ постоянными и вполне справедливыми утвержденіями Толстого, что отъ царя и его министровъ ничего хорошаго ожидать нельзя“. Тутъ г-нъ Поссе въ своей категоричности сильно уклонился отъ истины, такъ какъ нигдѣ и никогда Толстой не утверждалъ ни о царѣ, ни о комъ бы то ни было, что отъ него нель-